

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COGNITIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-658-685

EDN: JXICOC

УДК 811.161.1:165:159.9:612.821

Научная статья / Research article

Геопозитический образ как культурный знак, процесс и результат эстетического моделирования действительности

М.Л. Новикова¹ , Т.В. Маркелова²

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²Институт современного искусства,
121309, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а

 novikova-ml@rudn.ru

Аннотация. Исследовательское поле геопозитики как теории изучения творческих форм и способов взаимодействия человека с географическим пространством, многомерной концепции, обусловленной синкретическим восприятием действительности, динамично расширяется в аспекте интерпретирования и моделирования пространства. Такая призма исследования позволяет обратиться к проективным смыслам моделируемой действительности, исследованию геопозитического образа как культурного знака, процесса и результата эстетического отображения и представления действительности. В связи с актуальностью проблемы авторы ставят перед собой цель исследования семиотической триады Санкт-Петербурга, эмоциональную составляющую аксиологической модели и его семантических трансформаций Петрополь — Петроград — Ленинград, что позволяет представить многостороннее описание модификаций геопозитического образа. Логика исследования продиктована тем, что концептуализация пространства в его разнообразных манифестациях связана с изучением территории как объекта эстетического осмысления. Анализируется творческая объективация воплощения знаков конкретного географического места в его двуединой рационально-эмоциональной сущности как факт словесного искусства. Трансформация и трактовки значений геопозитического образа города Санкт-Петербург с опорой на сферы городской семиотики города как пространства и города как имени, анализируются в аспекте надления места новыми смыслами и значениями в контексте пространственно-культурных исторических связей и моделей. Обосновывается, что геопозитический образ — это особое представление географического пространства в его историко-культурной, ценностно-смысловой цельности и слитности в их единстве. Реально

© Новикова М.Л., Маркелова Т.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

существующая территория может быть представлена как компактная аксиологическая модель через «призму» социокультурных ценностей, знаков и символов. Актуализация понятия палимпсест с опорой на сочетание текстуальных наслоений, исследование особенностей структурного моделирования смыслов в языковом окружении пространственно-культурных исторических связей в их аксиологическом осмыслении позволяют обратиться к реконструкции знаковой системы и вариативной семантики текстов «зеркала города».

Ключевые слова: геопоэтика, семиотика, палимпсест, вторичная моделирующая система, рациональное, эмоциональное, аксиологическое

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2022

Дата приема в печать: 15.04.2023

Для цитирования:

Новикова М.Л., Маркелова Т.В. Геопоэтический образ как культурный знак, процесс и результат эстетического моделирования действительности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 658–685. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-658-685>

Geopoetic Image as a Cultural Token, Process and Result of Aesthetic Reality Modeling

Marina L. Novikova¹ , Tatyana V. Markelova²

¹RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya Str, Moscow, Russian Federation, 117198

² Institute of Modern Arts,
27A, Novozavodskaya street, Moscow, Russian Federation, 121309

 novikova-ml@rudn.ru

Abstract. The research field of geopoetics as the theory of studying creative forms and ways of human interaction with the geographic space, the multidimensional concept shaped by the syncretic perception of reality, is expanding dynamically in the aspect of space interpretation and modeling. Such research prism facilitates addressing projective meanings of the modeled reality, studying geopoetic image as a cultural sign, process and result of aesthetic display and representation of reality. Taking into account the relevance of the problem, the authors of the article set a goal to investigate the semiotic triad of St. Petersburg, the emotional component of the axiological model and its semantic transformations: Petropol' — Petrograd — Leningrad, that permits to present a multilateral description of geopoetic image modifications. The research logic is dictated by the fact that the conceptualization of space in its various manifestations is associated with the study of the territory as an object of aesthetic reflection. The study analyzes creative embodiment of a particular toponym in its dual rational and emotional essence as a fact of verbal art. Transformation and treatment of geopoetic image meanings of St. Petersburg based on the spheres of urban semiotics are analyzed in the aspect of giving new meanings and semantics to the place in the context of spatial and cultural historical relations and models. The authors argue that geopoetic image is a special representation of geographical space in its historical and cultural, value and semantic nature and fusion in their unity. The existing territory can be presented as a compact axiological model through the “prism” of socio-cultural values, signs and symbols. Actualization of the palimpsest concept based

on the combination of textual layers, research of peculiarities of structural meaning modeling enable addressing the reconstruction of the semiotic system and variant semantics of “city mirror” texts.

Keywords: semiotics, cultural sign, palimpsest, secondary modeling system, rational, emotional, axiological

Article history:

Received: 01.12.2022

Accepted: 15.04.2023

For citation:

Novikova, M.L. & Markelova, T.V. (2023). Geopoetic Image as a Cultural Token, Process and Result of Aesthetic Reality Modeling. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 658–685. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-658-685>

Введение

Словесное искусство и художественное познание мира. Моделирование как метод лингвистического исследования

Широкий круг проблем гуманитарного знания во всем многообразии тем и проблем, активно представленных в многомерном языковом пространстве, реализуется в особом эстетическом виде моделирования действительности — словесном искусстве. Вектор исследования процесса и результата эстетического моделирования мира обусловлен спецификой поэтического слова как двуединой рационально-эмоциональной сущности — выразителя эстетической, переживаемой, а не просто понимаемой информации. Поэтическое слово — объект не только рационального, но и художественно-интуитивного познания, «результат и продукт двуединой рационально-эмоциональной сущности» [1. С. 498]. Яркий и многозначный синтез рационального и художественно-интуитивного познания — особая эстетическая коммуникация, художественное познание и моделирование мира, «именование, учреждающее бытие и бытийную сущность всех вещей» [2. С. 12]. Образы словесного искусства подвижны и гибки, по своей природе они семантически и эстетические значимые, по Ю. Тынянову, «колеблющиеся признаки» [3. С. 95]. Их изменчивость, неопределенность — источник творческого эстетического восприятия, «объект художественно моделируемой действительности — мнимый, «приблизительный». Языковой образ — квазипредмет. Он всегда многолик и подвижен» [1. С. 171—172].

Понятия моделирование, моделирующие системы, экстралингвистические (В.В. Иванов, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский), надязыковые, сверхфразеологические (Е.М. Мелетинский, Д.М. Сегал) — основополагающие в развитии семиотических исследований. Язык моделирует не дискретные фрагменты мира, а некую глобальную «точку зрения», в которой говорящий выражает свое отношение к действительности — модальность [4. С. 32—33]. Обращаясь

к роли словесного искусства, Ю.М. Лотман отмечает, что «сознание человека есть сознание языковое, все виды надстроенных над сознанием моделей — и искусство в том числе — могут быть определены как вторичные моделирующие системы» [5. С. 20—21]. Словесное искусство воспроизводит действительность «второй раз, доступными ему (искусству) средствами», выступая как знак, включенный «в цепь таких научных представлений, как отношение знака и обозначаемого, знака и кода — «языка» данной системы передачи сведений и т.д.» [6. С. 30].

Словесное искусство — это не только художественное познание и моделирование мира, но и особая эстетическая коммуникация, особый язык, который надстраивается над естественным языком как вторичная система. Знаки в искусстве имеют иконический, изобразительный характер, обусловленный связью между выражением и содержанием. Иконический знак представляет некоторые свойства репрезентируемого объекта, или обладает свойствами собственных денотатов [7]. Область денотатов вторичной моделирующей системы не идентична миру денотатов первичной. Конструируется особый вторичный ярус, надстраивающийся над естественным языком как вторичная система. Особенности поэтического языка как вторичной моделирующей системы в единстве его коммуникативной и эстетической функции создают новые отношения между имеющимися признаками, моделирующими художественную действительность [8]. Словесный образ как элемент вторичной моделирующей системы является многоплановым. Он обладает специфическими свойствами, выражаемыми особой художественной формой.

Художественный текст может рассматриваться как модель универсума человека, созданная с помощью языка как моделирующей системы, «главное призвание (или одно из самых сущностных) человека — моделирование мира. Человек, изменяя мир вокруг себя (иначе его моделируя), изменяет модель мира и изменяет себя» [9. С. 5]. Конструирование новых смыслов позволяет изучать и концептуализировать мир со стороны его художественного восприятия и познания в особом эстетическом виде моделирования действительности — словесном искусстве. Эстетический знак (образ), являясь элементом вторичной моделирующей системы в его сопоставлении с обычным знаком первичной моделирующей системы, имеет особую художественную форму, являясь образом словесным. Результат преодоления чисто понятийного характера языкового высказывания, основная особенность и главное отличие проявляется, по А.А. Потебне, «в силе внутренней формы возбуждать самое разнообразное содержание» [10. С. 28]. Словесное творчество говорит как о реальной, так и о потенциальной действительности в их константах и вариациях, что делает язык «непривычным, сверхъестественным или несокрытым <...> он вступает за границы того, что может быть сказано» [11. С. 193], основанным на способности слов «располагать гибким веером значений»

[12. С. 58]. Применительно к лингвистическим исследованиям следует учитывать, что субъект и объект — исследователь языка и сам язык — включены друг в друга [13. С. 6—12].

Модель «как исследовательский конструкт реальности», по В.И. Карасику, может быть использована в качестве инструмента для «изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка» человека и среды в их взаимодействии. «Человеческие» структуры и схемы часто экстраполируются на среду, которая описывается на языке антропоцентрических понятий [14. С. 6]. Структурные функциональные, динамические модели могут быть представлены различными способами: проблемно-концептуальные (создание модели в системе определенной проблемы или концепции), авторское моделирование (отражающее индивидуально-авторскую концепцию) и др. Гипотетический характер проблемного поля моделирования «не отменяет уверенности в том, что смоделированные конкретные феномены на самом деле представляют существующие отношения» [15. С. 487].

Определяющий развитие исследования словесного искусства «глубинный» символический план (*realiora, realissima*, ноуменальный ряд), как справедливо отмечал Л.А. Новиков, отражается как «намеки» в «поверхностном» (*realia*, видимость, феноменальный ряд) в виде подобий («символы кивают») в поле возникающих вокруг него интерпретаций, которые не только поясняют его содержание, но и выявляют неявные, латентные смыслы» [1. С. 21].

Исследовательское поле геопэтики.

Палимпсест: город в созвучии текстуальных наслоений

Моделирующее значение пространственных образов обусловлено различными структурно-семиотическими критериями, которыми оно характеризуется. Пространство, по Ю.М. Лотману, текстуально и семиотично, поскольку пространственными понятиями оперирует любая культурно-языковая модель. Фундаментальным направлением изучения пространства является *структурно-семиотический подход*, разработанный Ю.М. Лотманом, В.Н. Топоровым, Ю.С. Степановым, Б.А. Успенским. Семиотика географического пространства исследуется в работах В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян, В.Г. Щукина, В.В. Абашева.

Геопэтика, геолингвистика, геосемиотика — новые отрасли лингвистического знания. Геомедиа, цифровая география, цифровой урбанизм обусловлены спецификой визуального восприятия пространства с географической точки зрения [16]. Геопэтика — отношение к окружающему миру и как к географическому месту, и ментальному пространству — «ветвистое» междисциплинарное понятие интеллектуального и эстетического освоения топографических мест [17. С. 153].

Геопоэтика тесно связана с изучением «текстов культуры». Труды Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Г.Д. Гачева являются методологической основой геопоэтических исследований. Творческая организация словесного материала привлекает к себе внимание как многогранное яркое выразительное средство моделирования мира с использованием пространственных координат. Реальное место, территория, объективированная в поэтическом тексте, может быть представлена как его компактная модель «через «призму» социокультурных ценностей, знаков и символов, в их взаимосвязи с эмоциональным и концептуальным осмыслением пространства» [18. С. 36], трактовкой в различных культурных контекстах.

Описание различных регионов географического пространства, обусловленное их осмыслением как способа освоения и переживания опыта, путем представления ценностно значимых смыслов [19. С. 115—116] характеризует геопоэтику как поле потенциальной конвергенции науки, философии и поэзии в русле исследования процессов символизации географического пространства. Преобразовывая земную материю в расширенном смысле предметов и бытия, художник слова открывает пространство культуры, мысли и жизни [20].

Геопоэтический образ — это осмысление географического пространства в его историко-культурной, ценностно-смысловой цельности и слитности в их единстве, отражающем соответствие «между географией физической и географией душевной» [21. С. 44]. Культура как система коллективной памяти и коллективного сознания является пространством «схождения всевозможных цитаций, принадлежащих разнообразным дискурсам, из которых и состоит культура как способность любого текста быть переходным звеном от одного текста к другому... с неограниченной возможностью связей: ссылок, референций, цитаций, аллюзий» [22. С. 214], создания геопоэтических реальностей, которые, отражая географические, не совпадают с ними.

Множественность художественных пространственных кодов, их смысловая и эмоциональная многослойность порождают новую информацию, новые смыслы, создаваемые дискурсами в их многообразных манифестациях представления территории как объекта еще «не названного смысла. Искусство именуется его. Так получается геопоэтический образ» [23]. В его осознании с позиции творческого мышления, представлены оригинальность и необычность; стремление к интеллектуальной новизне; семантическая гибкость (как возможность исследовать объект с разных позиций); варибельность, образная адаптивная пластичность (изменение восприятия объекта, позволяющее анализировать его скрытые составляющие); появление нового видения объекта в различных ситуациях [24. С. 434–436]. Исследовательское поле геопоэтики как теории изучения творческих форм и способов взаимодействия человека с географическим пространством динамично расширяется в аспекте интерпретирования и моделирования пространства.

Многослойный феномен города в системе символов, представленных в истории культуры, занимает особое место. Система временных и пространственных отношений — моделирующая система высокой степени обобщений, обусловленная творческим замыслом автора, модель воображаемого мира, в разной степени приближенная к миру реальному. Путем сложного взаимопереплетения, столкновения объективного и субъективного создается культурно-географическая реальность. Культура — единый интертекст, который, в свою очередь, служит как бы предтекстом любого нового текста, новой тканью, сотканной из старых цитат, создающей новые смыслы.

Обратимся к различным трансформациям и трактовкам значений геопоэтического образа города Санкт-Петербург, опираясь на «две основные сферы городской семиотики: город как пространство и город как имя» [25. С. 208] как сочетанию текстуальных наслоений, наделения места новыми смыслами и значениями и особенностям структурного моделирования смыслов в контексте пространственно-культурных исторических связей и моделей. Поставим задачу: найти проективные смыслы моделируемой действительности, принципиально важные для изучения геопоэтического образа как культурного знака, их мерцающие, семантические трансформации на примере различных дискурсов представления города *Санкт-Петербург — Петрополь — Петроград — Ленинград*, динамика которых, по И. Гербарту, «выражена в их противоположности (когда одно вытесняет другое), сходстве (ведущем к слиянию) и компликации (объединении, при котором сохраняется их раздельность)» [26. С. 177].

В то же время «одновременность и современность эстетического бытия вообще называют его вневременностью», следует «мыслить эту вневременность в связи с временем, так как они сущностно взаимодействуют» [27. С. 81]. Природа геопоэтического образа как художественного образа географического пространства представляет собой топографическое, историко-культурное и ценностно-смысловое единство [28. С. 216], раскрывающее их содержательную структуру, смысловое поле прошлого и настоящего.

Как факт искусства слова феномен города в отечественной традиции плодотворно исследовался Н.П. Анциферовым, Ю.М. Лотманом, В.Н. Топоровым, отмечавшими, что город постоянно заново создает «свое прошлое, которое получает возможность соплагаться с настоящим как бы синхронно» [29. С. 325]. Реконструкция знаковой системы и вариативной семантики текстов «зеркала города» делает возможным трансформацию «материальной реальности в духовные ценности» [30. С. 7], что является моделирующей системой высокой степени обобщений. В геопоэтическом образе (в его географической узнаваемости, но представленной сквозь призму авторского видения) символически осмысливается конкретное пространство, оно гиперболизируется, представляя обобщенный художественный

смысл, который соотносится с системой ценностей, присущих национальной культуре и национальной ментальности. Сложные образные структуры являются результатом компактного упорядочивания информации, управляемой глубинными ассоциативными связями.

Творческая реализация знаков конкретного географического места *Санкт-Петербург — Петрополь — Петроград — Ленинград* представлена в различных культурных контекстах, в вариациях их трактовок. В процессе символической репрезентации города создается «сетка семантических констант, представляющих собой матрицы новых репрезентаций как значимых, основополагающих категорий описания места, объединяющих прошлые и современные функции, идеологии и физические контексты» [31. С. 101], обусловленные появлением новых смыслов и значений (семиозис).

Этот феномен может быть рассмотрен через актуализацию понятия палимпсест (греч. *Palin* — снова и *psaio* — стираю) как рукописи, в которой первоначальный текст заменялся новым, понимаемым как соотношение проявляющихся друг через друга текстов [32]. В таком ракурсе исследование города как палимпсеста может рассматриваться как складывающееся из «многообразных вариаций памяти... размышлений и отражений в сознании» [33. С. 207] созвучие текстуальных наслоений, различающихся по времени создания.

Санкт-Петербург — Петрополь — Петроград — Ленинград как геопозитический образ, представленный в пространстве различных текстов, — это сплетения идей и смыслов, актуализованных знаками различных уровней, явными и скрытыми аллюзиями. Значимыми становятся те или иные составляющие, представленные в многомерном текстовом пространстве, изменяются их смыслы, оценочные категории, в рамках которых иначе могут восприниматься те или иные реалии города. Особенности гетерогенного текста, которому приписывается некий общий смысл [30. С. 208], сложные переплетения семантической, эстетической информации, творческое восприятие и векторы интерпретации реальной действительности Петербурга А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А. Белого, А. Блока, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Е. Евтушенко, Т. Толстой, Е. Шварца и др. обусловлены авторским видением концептуального пространства города. «Борьба между Петербургом — художественным текстом и Петербургом — метаязыком наполняет всю семиотическую историю города. Идеальная модель боролась за реальное воплощение» [25. С. 219].

Объективация знаков конкретного географического места, выраженного в слове, «может быть орудием, с одной стороны, разложения, с другой — сгущения мысли единственно потому, что оно есть представление, то есть не образ, а образ образа» [10. С. 223] сложного узора *Санкт-Петербурга — Петрополя — Петрограда — Ленинграда*.

Геопоэтический образ Санкт-Петербург — Петрополь — Петроград — Ленинград как семиотическое пространство: проективные смыслы моделируемой действительности

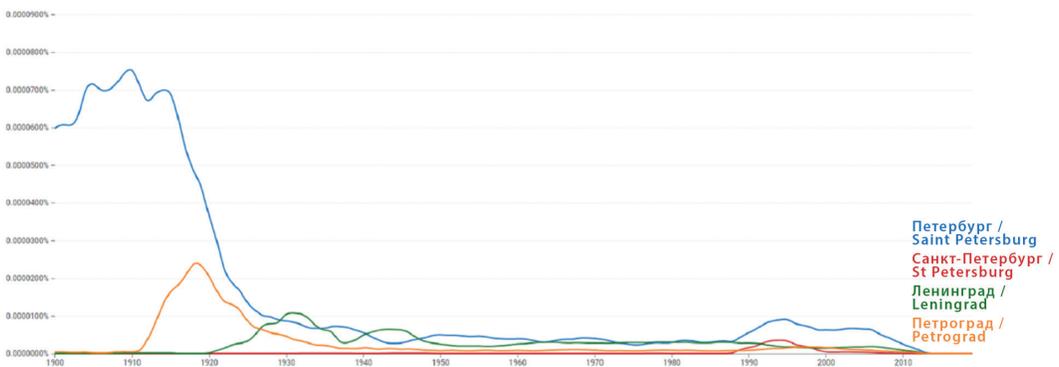
В современных лингвистических исследованиях ярко представлена нацеленность на формализацию описания различных языковых явлений, используются разнообразные стратегии и тактики поиска информации. Анализ развития культурно значимых феноменов путем количественного анализа слов и словосочетаний в больших корпусах оцифрованных текстов (Culturomics) выводит гуманитарные науки на новый уровень благодаря внедрению точных наук и новых методов [34. С. 25], позволяет обратиться к языковым массивам данных, обрабатывать большие пласты информации. Для получения более полной картины геопоэтического образа, эмпирически релевантных данных (не ставя своей задачей их полного описания в статье), обратимся к корпусным исследованиям, которые дают возможность проанализировать ключевые коннотации, ценности, связанные с представлением о городе в разные эпохи.

Ценностно-смысловая цельность каждого образа, диктуемая сплавом «географии физической и географии душевной» (Н.А. Бердяев), реализуется аксиологической моделью, построенной на основе корпусных исследований с учетом элементов вторичной моделирующей системы как явления творческого акта в слове и тексте. Линейка номенов *Санкт-Петербург — Петрополь — Петроград — Ленинград* представляет шкалу культурной вариативности пространства в зависимости от его времени. Ценностное восприятие пространства во временном контексте реализующих его художественных словесных знаков моделирует каждый раз новый семантически многослойный (трансформированный) образ за счет «гибкого веера значений слов» — знаков пространства во времени.

Квантитативные методы активно верифицируют данные исследования, его обоснованность и достоверность, не уменьшая при этом важности качественных методов, основанных на рационалистических подходах, где основное внимание уделяется не только форме, но и содержанию. Геопоэтический образ города — это некое семиотическое пространство с воплощенными в нем культурными текстами (в ином плане — объективация знаков конкретного географического места и творческое его восприятие), понимаемое как сумма эмоциональной, семантической, эстетической информации, процесс актуализации старых и создания новых смыслов. Это интерпретированное отображение, включающее характеристику и оценку изображаемого.

Таким образом, выявление статистических и лингвистических закономерностей, кодифицирующих смыслов в знаках-символах и других системах моделирования мира сквозь призму эстетического отношения к ним в сочетании уникальности и стереотипности [35. С. 74], возможно репрезентативно представить с помощью обработки массивов языковых данных. В качестве

источника для исследования взята новая версия «Национального корпуса русского языка», общий объем — более 1.5 млрд слов (см. Рис. 1). Для анализа с последующей лингвоаксиологической интерпретацией использовался корпус русских **письменных прозаических и поэтических** текстов, отражающих русский язык Нового времени. Анализу подвергнуты массивы, представляющие различные жанры прозы (художественная литература, включая прозаическую драматургию) и **современные письменные тексты** (середина XX — начало XXI в.). Взаимопереплетение, столкновение объективного и субъективного создает субъективно детерминированное, особое видение реальности писателями разных школ — классицизма, романтизма, акмеизма, постмодернизма.

Рис. 1. Частота употреблений имени города (на миллион словоформ в основном корпусе Национального корпуса русского языка)

Fig. 1. City name usage frequency (per million of words in the National Russian Language Corpus)

Каждое имя города как геопозитический образ обладает собственной аксиологической моделью, основанной на анализе семантики, синтактики и прагматики (Ч. Пирс) оценочных знаков, выражающих как отличия пространства в контексте времени (Петербург — Ленинград), так и ключевое базовое сходство. В ходе построения аксиологической модели анализируются лексические окружения каждого имени города. Основными параметрами построения модели являются:

1. Систематизация прагмем, коннотаций, функций как семиотической триады оценочных знаков.

2. Анализ прагмем как «свернутых» оценочных суждений, посвященных образу города в разножанровых авторских текстах, творчески воплощающих его характерные черты.

3. Исследование коннотаций, выражающих отношение к образу города «безоценочными» словами, где эмоциональная оценка обеспечивается контекстом.

4. Выявление архисем в геопространстве каждого образа с проекцией их последующей связи и взаимодействия для понимания общего

и индивидуального в художественной и эстетической трансформации представлений геопоэтического образа как культурной вариации. Отличие степени образности (тропеичности) каждой культурной вариации в зависимости от типов оценочной семантики.

5. Создание аксиологической модели уникального культурного знака — геопоэтического образа города, воспринимаемого как «многоликий и подвижный» (Л.А. Новиков) в его пространственно-временном существовании.

Приступая к аксиологическому моделированию геопоэтического образа, отметим отсутствие знаков-функций *хорошо* — *нормально* — *плохо* и их синонимов в перечне лексем на рисунках статьи. Эти знаки как символы качества отличаются десемантизованностью и когнитивной слабостью, широкой интерпретационной базой, зависящей от качеств объекта оценки. И поскольку наш субъект-ценитель образа города — конкретная творческая личность (исходно) и обобщенный конструкт, то природа оценки «good — это good и ничего более» [36. С. 531] не свойственна аксиологической модели. Выборочно представлены результаты анализа, систематизированные в виде рисунков в виде рисунков (см. Рис. 2–5).

Санкт-Петербург сквозь призму историко-культурного и смыслового поля настоящего

Рис. 2. Город как образ. Концептуализация пространства Санкт-Петербурга как эстетического объекта
Fig. 2. City as an image. Conceptualization of St Petersburg as an aesthetic object

Творческая объективация воплощения знаков конкретного географического места, концептуализация пространства Санкт-Петербурга связана с представлением территории как эстетического объекта в реализации различных стратегий моделирования. Геопоэтический образ придает местам особый смысл, это «сочетание ярких, характерных, знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства» [18. С. 48]: *Петербург* с его красотою стройной, с блестящим поясом роскошных островов (П. Вяземский); несравнимый *блистательный* Санкт-Петербург! *Преславный град*, что Петр наш основал (В. Третьяковский); он поплывет в высоком море — *небесный* Петербург теней (Е. Шварц). В *регулярном, как Петербург* петровский, мире (Б. Слуцкий); мой *Петербург*, мой *колокол пожарный* // Петербург, *мое окно* (И. Бродский), *Снежно-белый, холодный* от метелей и пург // Над Невой благородной онемел Петербург (М. Цейтлин); *Петербург*, *исхлестанный бичами пург* (Н. Клюев). Санкт-Петербург — это семиотическое пространство, представленное знаками культуры различных уровней: литература, музыка, архитектура, живопись и др., поэтому средствами его семиотизации могут быть различные пространственные коды. В названии города — и связь с апостолом Петром, и именем царя Петра I, что обуславливает его двойственное толкование. «Имя Петр, переводимое с латыни как «камень», связывает его с материалом, который был так важен для семиотизации новой территории» [37. С. 85]: Недаром Пушкин и Растрелли // сверкнувши молнией в веках // так титанически воспели тебя в *граните* и в *стихах*; один на целый мир вокруг брезгливо поднял бровь *ампирный гранитный барин* Петербург (Н. Агнивцев). Словесные средства семиотизации соотнесены с материалом зданий города как невербальным средством социально-символического кода.

Разные объекты города представлены по-разному, доминирующие знаки, семантика и синтактика их различны, гетеротопия города, неоднородность мест — важная его характеристика, наряду с гетерохронией как различием описания этих мест в разные эпохи [25. С. 209—211; 37. С. 79]. Об этом говорят и свидетельствуют созданные на их основе тексты. Обратимся в качестве иллюстрации к особенностям поэтического отражения некоторых символов города, их структурирование и осмысление остаются неизменными на протяжении веков: *Адмиралтейства* светлый *скипетр* был поднят над рекой (С. Кирсанов); корабль над *шпилем Адмиралтейства* // Где небосвод давно распорот *Адмиралтейскою иглой* (Н. Агнивцев); *Адмиралтейство* // *Зажгло бессмертную иглу* (Вс. Рождественский); хочется *Адмиралтейству пронзить* лазоревую муть (М. Кузмин); *Адмиралтейства вечная игла* (Г. Адамович); в небе *шпагой* замер *Адмиралтейства шпиль* (И. Юрасов); *Адмиралтейства шпиц* вознесся, как *стрела* (К. Фофанов); *Адмиралтейства на штыке-шпиле* не повисли

Лувра картинные потроха] (В. Маяковский); *Петропавловская крепость* // Тучи рвущая игла город мой пронзил века (Е. Ефимовский); с вершины *Петропавловского шпиля* (А. Ахматова); *гранитный вал* с внушительной *спицей* (С. Андреевский).

Геопоэтический образ может придавать местам особенный смысл и звучание как слияние различных составляющих, базовых представлений, описывающих реальные пространства, например, симметричное расположение пространственных объектов в Санкт-Петербурге — проспектов, улиц, парков «есть — *Петербург*, или *Санкт-Петербург*, или *Питер* (что — то же)»; «Линии!.. память *петровского Петербурга*. Параллельные линии на болотах некогда провел Петр; линии те обросли то *гранитом*, то *каменным*, а то *деревянным забориком*... линия *Петра* превратилась в линию позднейшей эпохи: в *екатерининскую* округленную линию, в *александровский строй* белокаменных колоннад; вонзается сюда Петербург своими *проспектными стрелами*» (А. Белый).

Геопоэтический образ придает местам особый смысл, это «сочетание ярких, характерных, знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства» [18. С. 48]: *Петербург* с его красотою стройной, с *блестящим поясом роскошных островов* (П. Вяземский); Ты всех прекрасней — несравнимый *блистательный Санкт-Петербург!* *Преславный град*, что Петр наш основал (В. Третьяковский). Он поплывет в высоком море — *небесный Петербург* теней (Е. Шварц). В *регулярном*, как *Петербуог петровский*, мире (Б. Слуцкий); мой *Петербург*, мой *колокол пожарный*... // *Петербург*, мое *окно* (И. Бродский), *Снежно-белый, холодный* от метелей и пург // над Невой благородной онемел Петербург (М. Цейтлин); *Петербург*, *исхлестанный бичами пург* (Н. Клюев). Сплетение идей и смыслов в художественно-философской глубине их осознания на фоне географической конкретизации воспроизводят пространственно-временную картину мира в ее символично-идеологическом аспекте.

В отличие от пространственных координат временные прямо не конкретизированы, прерывны и условны, концептуализация геопоэтических образов может быть представлена в качестве одного из основных способов языкового моделирования, другими словами, как одна из форм передачи информации, в том числе и эмоционально-оценочной, отражающей субъективно-личностное начало восприятия географического пространства, в его символизации и социально-историческом осознании: Был Петербургом когда-то // *Невский* развешивал цепи огней... // *Вместо коней и квадриг* въехал на площадь вокзала и застыл на ней *броневик* (Т. Щепкина-Куперник); Мокрый, струящийся, бьющий ветром в *стёкла город* ... казался тогда злым *петровским умыслом*, мстью огромного, пучеглазого, с разинутой пастью, зубастого царя-плотника (Т. Толстая); что *Петербург* нам родина — особая *страна*, Он *запад*, *брошенный в восток*, и *окружен и одинок* (Е. Шварц). Устанавливаются новые

отношения между имеющимися признаками, порождаются качественно новые, моделирующие художественную действительность.

В семиотической триаде Санкт-Петербурга преобладают знаки-коннотации, концептуализирующие эмоциональную составляющую аксиологической модели данного образа. Воздействующая сила эстетически значимой цветовой гаммы основана на ассоциативном потенциале слов *снежно-белый*, *серебряно-призрачный*, *небесный* (в условно положительной зоне шкалы оценки) и *мглистый*, *туманный* (в условно отрицательной шкале), формируемом эмосемами [38. С. 100] «*блестящий*», «*благородный*», «*очень*», «*кристаллический*», «*чистый*», «*прекрасный*», «*неземной*», с одной стороны, и «*сумрачный*», «*мрачный*», «*неясный*», «*туманный*», «*затянутый пеленой*», «*непрозрачный*», «*неясный*», «*затемненный*», «*печальный*», с другой. Противоположные чувства, выраженные авторами оценочных знаков, реализуются «синтаксисом» сем в семемах многозначных слов, сочетая импликациональное и интенциональное содержание в контексте. Эмоции *радостного* и *печального*, *приятного* и *неприятного*, в оценочно-эмоциональной интерпретации — *света* и *тьмы* (*яркого* и *темного* — условно) создают пространство и время цветовой гаммы Санкт-Петербурга в ключевых лексемах его языкового образа.

Доминирующие знаки объектов, несущих субъективную оценочную информацию, содержат эмосемы *тревожности*, *опасности*, *смуты*. Они представлены символами быстрого оповещения, ясности, призыва в фигуре «*колокол пожарный*» и неясности, призрачности, тайны, причудливости в синтактике «*фантом туманный*». Семиотизация явного, звучащего, набатного, ударного, «с языком» и противоположного — призрака, причудливого, неопределенного, мрачного, смутного создает особую экспрессию *явленного* и *неявленного* (сущности и призрака), *ясного* и *неясного*, то есть *воображаемого* в пространстве и времени языкового образа Санкт-Петербурга.

Особую роль в аксиологической модели играют знаки-коннотации, в которых город ассоциируется с человеком, имплицитно его многоликие черты в лексемах-символах «*детище Петрово*» — «*ампирный гранитный барин*», ментально противопоставленных друг другу. Эмосемы «*близкий*», «*созданный собственным трудом и заботой*», с экспрессивной пометой «устар.»¹ вступают в сложное взаимодействие с эмосемами «*могущественный*», «*величественный*», «*монументальный*», «*холодный*», «*твердый*», с высокой долей экспрессии выражая «тепло и холод» иконической метафоры «*человек — город*» в пространственно-временном (*начало* — *ребенок* — *дитя* — *ампир* — *античность*) геопоэтическом образе.

Знак-прагмема отличается особенными свойствами в семиозисе, поскольку напрямую наполнен отношением не только знака к объекту

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1998. С. 254.

оценки, но и человека-творца к выраженности этого отношения: здесь «предметное и оценочное значения склеены, жестко связаны» [39. С. 19—20], их денотат и сигнификат представляют синтаксис компонентов суждения.

Город как объект оценки, составляющей ореол геопоэтического образа, соответствует предметной семе, а его поэтические признаки — оценочной. Полная независимость от контекста делает знаки-прагмемы особенно значимыми в аксиологическом моделировании образа, ибо оценочная семантика «встроена» в словарное значение слова. Символами оценки прагматического типа выступают знаки-прагмемы, которые по взаимоотношению знака и объекта делятся на «сильные» — с первичными оценочными семемами или словарными пометами, «средние» — оценочные семы обнаруживаются при дальнейшем анализе безоценочных семем и «слабые», близкие к коннотациям, где оценочный смысл появляется на третьем — четвертом шаге семантического анализа [40. С. 584—585].

В нашем лексическом пространстве к сильным знакам — прагмемам относятся «*державный*» и «*чародейный*», в которых причудливо отражается семантический аспект взаимоотношений знака и объекта глазами интерпретанта — творческой личности: оценочная семема «*величественный*» — «*могущественный*» — «*царский*» сплетается в едином геопоэтическом образе с эстетической оценкой высшей степени — «*очаровательный, обаятельный*» — «*волишебный, колдовской*», то есть притягательный своей величественной красотой. Взаимодействие интенциональных смыслов статуса, поведения и эмоционального воздействия *колдовства* в сильных прагмемах свидетельствуют о неоднозначном субъективном восприятии образа города во времени и пространстве, прогнозирующем причудливость оценок как отражения разных социальных ценностей одного символического кода — Санкт-Петербурга.

Ближе к средним прагмемам находятся признаковые имена «*неугомонный*» — «*стремительный и неустанный*», одушевляющие образ эмосемами *энергичный, активный, устремленный, деятельный* как позитивными предикатными свойствами объекта. На втором шаге семантического анализа появляется качество — «*развивающийся*» («и это хорошо»), добавляющее в аксиологическую модель динамику пространственно-временного существования города. Добавим сюда же особый способ существования образа — «*внесенный словом над Невой*», то есть поддержанный особенной высшей силой.

Таким образом, константы аксиологической модели геопоэтического образа рисуют противоречивый языковой конструкт Санкт-Петербурга, обусловленный творческим восприятием элементов его пространства и времени в архисемах лексического рисунка знаков-коннотаций: *светлый (прекрасный, яркий)* — *темный (мрачный, туманный)*; *сущность (реальный)* — *призрак (неясный)*; *теплый* — *холодный*.

Архисемы прагматических знаков сосредоточены в зоне положительной оценки благодаря своему свойству «двойной» оценочности: в слове заключается одновременно и объект, и его ценность, и мотив выбора этого слова автором оценки — «свернутой» в прагмеме «идеи»: город великий (могучий) и красивый (колдовской); энергичный и развивающийся, то есть языковой конструкт прагматики Санкт-Петербурга выражает эстетическую и утилитарную положительную оценку: величественное очарование — колдовское могущество; неутомимая энергия — активное развитие.

Многослойность далекого и близкого, высокого и земного, пугающего и притягательного, ясного и смутного не только несет аксиологическую информацию о пространственно-временной сложности геопоэтического образа Санкт-Петербурга, но и о его сверхъестественной природе.

Эмоционально-оценочное пространство поэтического образа Петрополя

Рис. 3. Поэтизация имени Петрополь во временном и пространственном континууме

Fig. 3. Poetization of Petropol in the temporal and special continuum

Глубинное отражение реальной действительности в геопозитическом образе *Петрополь* (греч. Πετρούπολις — *город Петра*, риторическое, лирическое имя Санкт-Петербурга) представлено развертыванием художественного содержания во времени и пространстве. Необходимо подчеркнуть, что оно усложняется и трансформируется в пространстве языка и культуры, художественных кодов, смысловой и эмоциональной многослойности эстетического освоения действительности в особом эстетическом виде моделирования действительности — словесном искусстве.

Остановимся на некоторых иллюстрациях. Мой град любезный // *Петрополь* славный и полезный (М. Ломоносов); Русь... ей *Петрополь* — голова // у него России *очи* (В. Бенедиктов); *Петрополь* с башнями дремал // чуть Белът в брегах своих сверкал (Г. Державин); В сем доме у него всегда пермесский глас // Он сделал у себя в *Петрополе* Парнас (А. Сумароков); И всплыл *Петрополь* как тритон, // По пояс в воду погружен (А. Пушкин); обессмертили Струве в *Петрополе* чрез Неву пять висящих мостов (Д. Минаев); *Петрополь величавый*, Невы державной полубог! (П. Ершов); весна в зеленый пух *Петрополь* одевает (О. Мандельштам); *Петрополь* и синие волны // балтийские волны и звон площадей (К. Вагинов); уныл *Петрополь* // тополь серой шерстью исходит (Е. Шварц); *Петрополь* смотрится младенцем, весь в позолоте и тоске (А. Миронов); *Петрополь*, гнездо поэтов и цирцей (Л. Аронзон); Столыпин подал в отставку // *Петрополь* испугался, нахмурился, помрачнел (В. Шульгин); стоит он, заколдованный, — *Петрополь* (А. Дар). Геопозитические образы воплощают средствами словесного искусства выраженные в форме чувственного восприятия и переживания реальные географические объекты, а также факты и события, связанные с ними, отражая особенности их языкового бытования и речевого функционирования. Они могут быть формализованы до перечня исходных элементов, моделей и списка правил их соединения.

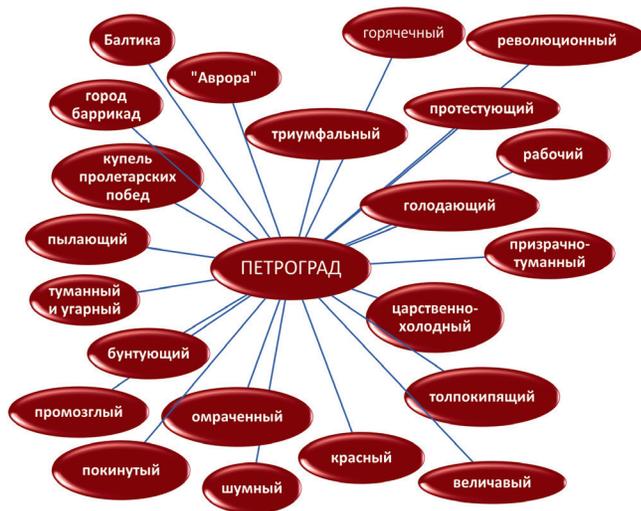
Аксиологическая модель поэтизации имени *Петрополь* отражает специфику семиозиса преобладанием прагматических знаков: на 21 прагмему приходится только три знака-коннотации, синкретичных с прагмемами. Предварительный общий взгляд на эмоционально-оценочное пространство поэтического образа *Петрополя* реализует элементы концов оценочной шкалы — «очень хорошо» — «очень плохо» [41], формируя динамику *восторга — отвращения, восхищения — возмущения*, то есть риторическую силу символа, часто выражаемую словарными пометами лексем: «устар.», «трад.-поэт.», «высок.» (*краса, славный, град* и др.). Преобладающая эстетическая оценка конструируется внутренними семемами и семами «сильных» прагмем: *роскошный, величавый, священный, нерушимый, превосходный, серьезный*, объединенными в архисему «*величие*» как признак основной характеристики пространственно-временного образа не *города, а града*: его Невы, башен, сада и др.

Лексический рисунок реализует усиление градации от *величавый, пышный, торжественный* — к *царствующий* и *преславный*. Последнее слово — сильная оценочная прагмема, в состав которой входят семемы и семы с эмотивным — *приятный, доставляющий удовольствие*, качественным — *знаменитый, известный, достойный*, эстетическим — *хороший, милый, красивый, симпатичный* аспектами оценки. Но в этот выразительный ряд оценочной лексики «врываються» признаковые имена-характеристики поведения в пространстве и времени — синонимичные «строгий», «суровый» и «чинный» с архисемой «непреклонность», «требовательность», а также особняком стоящей «сильной» единственно негативной прагмемой «чванный» (этим. *чвань* — гордость) с семемами *спесивый, гордый, надменный*. Такое причудливое содержание лексического рисунка аксиологической модели Петрополя позволяет выделить особое выразительное средство — хиазм: *величие строгости (непреклонности)* — *строгое величие (непреклонность)*.

Архаическая славянская и греческая лексика — *град, чадо, младенец, цирцея* моделирует художественный код *тайны, волшебства* (коварная волшебница, владеющая превращением людей в свиней — цирцея), причем тайны колдовской, сохраненной и охраняемой величием строгости, волшебства, лежащего в основе создания города, его божественного (царь — наместник Бога на земле) происхождения и магической, блестящей, пышной красы (*Европы городов*), — опасной во времени и пространстве *хладной полуночи*, античного времени поклонения низшему божеству, *полубогу* места — *Невы державной*.

Словесный образ Петрополя обрамлен топонимической конкретикой — *град Севера, краса Европы городов, Новый град, столица стужи и стихов*, как бы раскрывающей тайну и помещающей ее в метафорический контекст знаков-коннотаций, отражающих творческие представления авторов поэтических и прозаических высказываний, расцветивающих объекты как «уменьшенные» копии предметов — «*младенец в позолоте*», «*чадо хладной полуночи*» либо «увеличенные» — «*цветник меж рек*», «*столица стужи и стихов*», «*гнездо поэтов и цирцей*», «*многодумный*». Культура Петрополя варьируется с помощью архисемы «скопление» (людей, цветов, ритмов, дум-мыслей, божеств), демонстрируя богатство и выразительность как символы геопоэтического образа. Высокая образность аксиологического ряда: *строгого величия* — *тайны колдовской* — *красоты* как общий культурный код языковых представлений аксиологической модели и интенсификация положительных оценок художественного стиля речи оправдывает лирическую риторику, вложенную в имя Петрополь, и демонстрирует его особое место в культурной вариативности Санкт-Петербург — Петрополь — Петроград — Ленинград.

Аксиологическое поле модели геопозитического образа Петрограда

Рис. 4. Петроград. Город как объект оценки: ценностные представления и культурно-исторический контекст

Fig. 4. Petrograd. City as an axiological object: evaluative representations and cultural historical context

Геопозитическому образу города как единому целому имманентно присуще свойство превращаться в некоторый *обобщенный художественный смысл*, который соотносится с системой ценностей, присущих культуре и национальной ментальности. Название *Петроград*, которое Санкт-Петербург носил в течение десяти лет, тесно связано с военными и революционными преобразованиями. Оно широко представлено в топографии города: *Петроградский остров, Петроградский район, Петроградская сторона*. Символизация и маркировка географической среды, выработка нормативных вариантов интерпретации различных культурных форм детерминирована множеством изменчивых *идеологических* смыслов. Они закрепляют различные социокультурные представления и систему ценностно-смыслового отношения к действительности в философской категории понятий «*отдельное — общее*», «*хорошее — плохое, «ценность — антиценность*». Контекст Первой мировой войны и Октябрьской революции обеспечивает особый концептуальный характер аксиологической модели Петербурга, отражающей цивилизационный слом в рамках одного пространственно-временного континуума, смену культурных кодов в языковых образах Петрограда. Пространство расширяется и обобщается, проявляется в динамике сцепления двух типов пространства — реального и его ощущения, их взаимодействии и смысловой направленности.

Динамическое описание реальных исторических событий раздвигает пространственно-временные границы, которые становятся проницаемыми, вариативными: Петербург, который Петр построил // ныне назывался

Петроград (Р. Ивнев); Не Петербург, а — *Петроград*. Так тверже, холодней и строже (В. Лебедев); *Петроград...* // В нем пышный роскоши расцвет (В. Брюсов); стремительный и неустанный, толпокипящий *Петроград* пылающей подобен лаве (С. Обрадович); смешал *Петроград* // с мутью дыма и крыш мглисто-алый закат (И. Бунин); в этом имени — осенний Смольный, Балтика, «Аврора», *Петроград* (О. Берггольц); ночной *Петроград*, как пылающий бриг, проносился с Колумом по русским степям (М. Светлов); Петербургу *Петроград* оставит лишь предсмертье Блока (Б. Ахмадулина), ты едешь в черный *Петроград*, и все вокруг тебе знакомо (И. Бродский); *Петроград*, чёрный стражник (Р. Куксимов); бурлящий беспорядками, грабежами и насилием *Петроград* (А. Колмогоров); они прикрывали *Петроград* — колыбель революции (Ю. Ерофеев); *Петроград* — купель пролетарских побед (И. Садофьев); сосредоточен, хитроват, глядит рабочий *Петроград* (Е. Евтушенко); *Петроград* укрылся с головою темнотой, — темны дома и в темноте круглы гранитные, тяжелые углы (Б. Корнилов). *Петра* фигура чернеет в темном небе хмуро // и вспоминает *Петроград* (М. Кузьмин).

Преобладание «сильных» прагмем для внешних (*поведение*) и внутренних (*состояние*) характеристик геопозитического образа не случайно в силу сочетания лингвистических и экстралингвистических причин: прагмема — единственный семиотический знак, в котором отношение слова к обозначаемому явлению связано с отношением говорящего к предмету сообщения [39. С. 20]. Такое сращение двух отношений — внутреннего, семантического и внешнего — коммуникативного — характерно для времени тектонических сдвигов, требующих оценочных высказываний, направленных на изменение мира.

Таким измененным геопозитическим образом предстает Петербург — в архисемах, отличающихся элементами интенсификации: «движение», «преобразование», «развитие» — *внешнее*: в *бунтующем, толпокипящем, протестующем, революционном, триумфальном, шумном, красном* (интенсив — цвета крови) городе баррикад («возведенных сооружений»); и *внутреннее*: *горячечный, голодающий, омраченный, туманный и угарный, промозглый, пылающий, покинутый Петроград*. Имплицитно представленные семы: ‘лихорадочно-страстный’, ‘скудно питающийся’, ‘опечаленный’, ‘безудержный’, ‘сырой’, ‘охваченный страстью’, ‘одинокий’ обобщают трудности контекста революционного времени. Синтагматика нераздельных *поведения* и *состояния* в пространственно-временном континууме связаны внутренним значением *протеста-страсти, переворота-недовольства, победы-скудости*. Многослойность геопозитического образа Петербурга формируется многозначностью слов-символов временного пространства: Аврора — *поэтический символ утренней зари и прозаический символ начала революции* — «выстрел Авроры». К прецедентности этого имени добавляется «скрытая» интертекстуальность *Балтики* как символа холодного неласкового пограничья, свинцового по цвету моря, войн и начала революции.

Стилистическая выразительность языкового образа создается окказиональным словосочетанием «*купель пролетарских побед*» с неоднозначным внутренним смыслом не просто «сосуд для крещения», а начало страданий, испытаний с пометой «устар. высок.», что соответствует современному восприятию событий 1914—1924 гг. Коннотации *неясности, неопределенности, неявленности, смутности и мрачности* с интенсивной семей 'без меры' обеспечиваются сложным эпитетом *призрачно-туманный* и сочетанием «*туманный и угарный*» с негативной семей 'удушливый'.

«Сильные» прагмемы *царственно-холодный* и *величавый* «смягчают» динамизм языкового образа (см. архисемы «движение») скрытой семантикой «*торжественная красота*», «*внутреннее достоинство*», «*рассудочность*» — до безразличия — «*лишенный пылкости или страстности*», то есть холодная красота и красивая холодность как символ высокого (царственного) величия. Неоднозначность интенсивов (*страсть* — и положительно, и отрицательно в зависимости от контекста и др.), расширенный состав негативных признаков-характеристик свидетельствует о специфике аксиологической модели Петербурга.

Знак-прагма выступает здесь как конструктор аксиологического поля модели, выполняет доминирующую роль в создании геопозитического образа Петрограда (в отличие от Санкт-Петербурга и Петрополя), организуя синтактику и семантику оценочных знаков как основу сложной ментально-эмоционально-коммуникативной внешней и внутренней динамики ценностного отношения творца текста-палимпсеста, автора концептуального языкового образа Петербурга.

Ленинград. Метафора палимпсеста в ее ценностном аспекте как знаки национального языкового сознания

Рис. 5. Знаково-символический образ в его культурно-исторических доминирующих чертах как моделирующая система

Fig. 5. The sign-symbolic image in its culturally and historically dominant features as a modeling system

Название *Ленинград* в траектории смысла пространства и времени тесно сплетено в геопозитическом образе с Петербургом и Петроградом. Метафора палимпсеста в ее ценностном аспекте позволяет обратиться к осмыслению исторических событий периода 1924–1991 гг. до возвращения городу его исторического названия Санкт-Петербург. Категории времени представлены в тесной взаимосвязи с пространственными в их взаимодействии, выражении одного через другое: *Вслед ампиру и барокко // вырос юный Ленинград* (Вс. Рождественский); *Вождь революции, Ленинград... // какая долгая дорога из Петербурга в Ленинград* (Б. Ахмадулина); *Есть путь из Петербурга в Ленинград* (Л. Мартынов); *я узнал воочью не дворцовый Петроград — Ленинград рабочий* (Я. Смеляков); *над гранитом невских берегов Петербург обнялся с Ленинградом* (М. Вега); *она ушла, как будто бы навек вернулась в Петербург из Ленинграда* (Е. Евтушенко). Основные признаки реального времени: одномерность, необратимость, однонаправленность от прошлого к будущему, протяженность и др. разрушаются. Создается особое время, характеризующееся многомерностью и образностью, оппозиция «внешнее» — «внутреннее» составляет основу создания художественного пространства и времени, их взаимопроникновение — яркая характеристика художественно моделируемой действительности.

Аксиологическая модель Ленинграда отличается преобладанием «сильных» знаков-прагмем с особенными семантическими связями между ними, реализующими категоричность ценностного отношения совокупного, обобщенного автора текстов о городе, реализующего пространственно-временные характеристики-оценки.

Высокую ценность образа формируют, в первую очередь, «сильные» прагмемы с положительной оценкой, расположенные на концах шкалы *гвардеец-город* (с семами ‘отборный’, ‘лучший’, ‘испытанный в боях’), *правoffланговый* — ‘пример для подражания’, ‘победоносный’; во вторую очередь, «средние» прагмемы — *трудовой, ратный, интеллигентствующий*, оценочность которых проявляется на втором шаге анализа ‘труженический’, ‘хороший работник’, ‘умный’, ‘с внутренней культурой’, а также в словарной помете «высок.».

На фоне положительных характеристик художественно моделируемой действительности знаками негативной оценки внутреннего состояния объекта становятся концептуальные знаки — сильные прагмемы *блокадный* (‘окруженный противником’), *голодный* (‘скудный продуктами’), *затемненный* (‘маскирующий свет’), выражающие причину как зло, которое устраняют. Метафора палимпсеста обнаруживает также аллюзии (скорее даже логозпистемы), констатирующие символический ореол Ленинграда: *колыбель революции, вождь революции, солдат победы* как знаки национального языкового сознания и менталитета. Таким образом, аксиологическая модель геопозитического образа Ленинграда

обобщает сильные знаки-прагмемы: *победитель — стойкий (несломленный) — лучший — в борьбе со злом.*

Перефразируя высказывание У. Эко о том, что употребление слова «отечество» вместо «страна» может изменить всю систему эмоциональных реакций, можно утверждать, что Ленинград как город Ленина, семиотическое пространство, представленное знаками культуры различных уровней с очевидными и скрытыми аллюзиями, вошёл в историю как город, перенесший 900-дневную фашистскую блокаду в годы Великой Отечественной войны. «Семиотика как наука об отношениях между кодами и сообщениями занимается непрерывным выявлением идеологий... в мире знаков, упорядоченных в коды», знаки наделяются дополнительными коннотативными значениями, «созначениями» [15. С. 138] в единстве эмоциональной, семантической, эстетической информации, которую несет городское пространство: блокадный *Ленинград*, несокрушимый, непобежденный, несломленный: пришла Победа, ее солдат, ее правофланговый — *Ленинград* (О. Берггольц); *Ленинград, Ленинград, Ленинград!* Да прославится хлеб его черствый... и сердце возмужавших упорство (М. Алигер); *Ленинград мой, милый, брат мой, Родина моя!* (П. Шубин); *Ленинград рассечен фронтом, как шрамом свежим по лицу* (Д. Андреев); *стоит, не дрогнув, Ленинград* (Вс.А. Рождественский); *Стоек и бесстрашен Ленинград, в снегах кровавых гордый Ленинград; подошел к Берлину и властно постучался Ленинград, ликует, дышит победоносный Ленинград* (О. Берггольц); *возвращенный из смертной бездны, Ленинград салютует себе; мое молчанье — отдаю Великому мученику Ленинграду* (А. Ахматова).

Лексический рисунок аксиологического поля демонстрирует парадигматическую организацию, объединяющую слова в один синонимический ряд: *стойкий, несокрушимый, непобежденный, несломленный, неукротимый, непреклонный, бесстрашный*, где значение каждого передается через значение другого с помощью логического круга: *несокрушимый — стойкий, несломленный; несломленный — непобежденный; непреклонный — стойкий, твердый* и др. Семантической доминантой этого ряда можно считать «сильную» прагмему «стойкий», отметив при этом один из принципов выражения категоричности положительной оценки — однокоренную антонимию (*сломленный — несломленный* и др.). «*Стойкий*» (*несломленный*) предстает как архисема в аксиологической модели Ленинграда.

Заключение

Город как текст культуры сквозь призму творческого его видения — целостный организм, особое семиотическое пространство, мозаичное переплетение текстов различных авторов, образное полотно городской ткани в объединении различных кодов и их трансформации, сплетение идей

и смыслов в художественно-философской глубине их осознания на фоне географической конкретизации.

Проективные смыслы моделируемой действительности принципиально важны для изучения геопозитического образа как культурного знака. Творческое воплощение знаков конкретного географического места может актуализироваться и как реальность бытийного плана, и как факт словесного искусства с позиций эстетического отношения к ним. Знаково-символический образ города *Санкт-Петербург — Петрополь — Петроград — Ленинград* меняется в его культурно-исторических доминирующих чертах: образ территории, ее представление неразрывно связаны с разными эпохами.

Реальное место, объективированное в художественных текстах, сплетение идей и смыслов в художественно-философской глубине их осознания представлено как компактная модель социокультурных ценностей, эмоционального и концептуального творческого переосмысления пространственных и временных координат путем представления ценностно значимых смыслов творца текста-палимпсеста, автора концептуального языкового образа семиотической триады Санкт-Петербурга, эмоциональную составляющую аксиологической модели и ее оценочных знаков — прагмем и коннотаций, что позволяет представить многостороннее описание модификаций геопозитического образа в его культурно-семантических трансформациях. Символический образ географической территории как единого целого, смысловое содержание ценностных представлений которой является весьма различным, определяется в зависимости от культурно-исторического контекста, а его особое видение и создает своеобразные полюсы — неотделимые друг от друга, но и несводимые друг к другу — геопозитического образа как культурного знака, процесса и результата эстетического отображения и представления действительности.

Библиографический список

1. Новиков Л.А. Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: РУДН, 2001.
2. Хайдеггер М. Исток художественного творения М.: Академический Проект, 2008.
3. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. М.: Едиториал — УРСС, 2004.
4. Segal D. Literatura kak vtorigchnaja modelirujushhaja sistema // Slavica Hierosolymitana. 1979. Vol. IV. P. 1–35.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998. С. 12–150.
6. Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994.
7. Моррис Ч.У. Основание теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 37–89.
8. Поселягин Н.В. О понятии «вторичные моделирующие системы»: из истории раннего российского структурализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. Т. 1. № 1. С. 13–20.
9. Агранович С.З., Степанский Е.Е. Миф в слове: продолжение жизни. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2003.

10. *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990.
11. *Gosetti-Ferencei J.* The World and Image of Poetic Language: Heidegger and Blanchot // *Continental Philosophy Review*. 2012. Vol. 45. P. 189–212.
12. *Гадамер Г.Г.* Язык и понимание // *Актуальность прекрасного*. М.: Искусство, 1991. С. 43–60.
13. *Денисенко В.Н.* Моделирование системы языка в аспекте языковой личности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2010. Т. 1. № 1. С. 6–12.
14. *Карасик В.И.* Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013.
15. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004.
16. *Лавренова О.А.* *Анналы международной ассоциации семиотики пространства и времени // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2020. № 1(41). С. 218–227.
17. *Сид И.* История понятия геопоэтика // *Вестник МГЛУ*. 2015. № 11 (722). С. 153–170.
18. *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб.: Алетей, 2003.
19. *Новикова М.Л.* Аксиология художественного пространства сквозь призму геопоэтики // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. Т. 8. № 1. С. 115–123. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-115-123>
20. *Уйат К.* Необъятное поле геопоэтики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.institutgeopoetique.org/fr> (дата обращения: 14.03.2023).
21. *Бердяев Н.А.* Русская идея // *О России и русской философской культуре*. М.: Наука, 1990. С. 5–42.
22. *Красина Е.А., Чеснокова О.С.* «Сюжет» Х.Л. Борхеса: опыт интертекстуального прочтения // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019. № 57. С. 206–223. <https://doi.org/10.17223/19986645/57/13>
23. *Абашев В.В., Абашева М.П.* Литература и география // *Вестник Пермского университета*. 2012. № 2. С. 143–151.
24. *Гилфорд Дж.* Три стороны интеллекта задач // *Психология мышления*. М.: Прогресс, 1965. С. 433–457.
25. *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *История и типология русской культуры*. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 208–220.
26. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М.: Мысль, 1976.
27. *Гадамер Х.Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
28. *Александрова-Осокина О.Н.* Вопросы геопоэтики в современном литературоведении // *Научный диалог*. 2020. № 5. С. 216–241.
29. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство—СПБ, 2000.
30. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство—СПБ, 2003.
31. *Urbanc M., Printsman A.* Comprehension of Rapidly Transforming Landscapes of Central and Eastern Europe in the 20th Century // *Acta Geographica Slovenica*. 2004. Vol. 44. No. 2. P. 101–131.
32. *Крюкова Е.В.* К вопросу о рецептивной стороне палимпсеста // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2020. № 9. С. 179–187. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2020-9-179-187>
33. *Исаев С.Г., Владимирова Н.Г.* Актуальная поэтика: Смена художественной парадигмы. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017.
34. *Захаров В.П., Масевич А.Ц.* Методы корпусной лингвистики в исторических и культурологических исследованиях // *Сборник научных статей XIX Объединенной конференции «Интернет и современное общество»*. СПб.: Изд-во Университета ИТМО, 2016. С. 24–43.
35. *Палийчук Д.А.* Корпусные технологии в лингвистических исследованиях // *Гуманитарные исследования. История и филология*. 2022. № 6. С. 72–79.

36. Вендлер З.О. О слове good // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. С. 530–554.
37. Чертов Л.Ф. О семиотизации и ресемиотизации пространства города // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2020. № 1(41). С. 78–90. <https://doi.org/10.31249/chel/2020.01.05>
38. Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания. 1986. № 2. С. 97–103.
39. Эшттейн М.Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 18–28.
40. Маркелова Т.В. Знак-прагмема как семиотическая доминанта аксиологического поля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 581–592. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-3-581-592>
41. Morris Ch. Varieties of human value. Chicago: University of Chicago Press, 1956.

References

1. Novikov, L.A. (2001). *Selected works*. Vol. II. Aesthetic aspects of language. Miscellanea. Vol. II. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.).
2. Heidegger, M. (2008). *The source of artistic creation*. Moscow: Academic Project. (In Russ.).
3. Тунуанов, Ю.Н. (2004). *The problem of poetic language*. Moscow: Editorial—URSS. (In Russ.).
4. Segal, D. (1979). Literatura kak vtorichnaja modelirujushhaja Sistema. *Slavica -Hierosolymitana*, IV, 1–35. (In Russ.).
5. Lotman, Yu.M. (1998). The structure of a literary text. In: *About Art*. Saint Petersburg: Iskustvo. pp. 12–150. (In Russ.).
6. Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school (1994). Moscow: Gnosis. (In Russ.).
7. Morris, C.W. (1983). The foundation of the theory of signs. In: *Semiotics*. Moscow: Raduga. pp. 37–89. (In Russ.).
8. Poselyagin, N.V. (2010). On the concept of “secondary modeling systems”: from the history of early Russian structuralism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1(1), 13–20. (In Russ.).
9. Agranovich, S.Z. & Stepansky, E.E. (2003). *Myth in a word: continuation of life*. Samara: Samara Humanitarian Academy publ. (In Russ.).
10. Potebnya, A.A. (1990). *Theoretical poetics*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
11. Gosetti, Ferencei J. (2012). The World and Image of Poetic Language: Heidegger and Blanchot. *Continental Philosophy Review*, 45, 189–212.
12. Gadamer, G.G. (1991). Language and understanding. In: *Actuality of the beautiful*. Moscow: Iskustvo. pp. 43–60. (In Russ.).
13. Denisenko, V.N. (2010). Modeling of the language system in the aspect of linguistic personality. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1(1), 6–12. (In Russ.).
14. Karasik, V.I. (2013). *Language matrix of culture*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
15. Eco, U. (2004). *Missing structure. Introduction to semiology*. Saint Petersburg: Symposium. (In Russ.).
16. Lavrenova, O.A. (2020). Annals of the International Association of Semiotics of Space and Time. *Man: Image and Essence. Humanitarian aspects*, 1(41), 218–227. (In Russ.).
17. Sid, I. (2015). History of the concept of geopoeitics. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(722), 153–170. (In Russ.).
18. Zamyatin, D.N. (2003). *Humanitarian geography: space and language of geographical images*. Saint Petersburg: Aletheia. (In Russ.).

19. Novikova, M.L. (2017). Axiology of artistic space through the prism of geopoetics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(1), 115–123. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-115-123> (In Russ.).
20. White, K. (2023). *Vast field of geopoetics*. URL: <https://www.institutgeopoetique.org/fr> (accessed: 14.03.23). (In Russ.).
21. Berdyaev, N.A. (1990). Russian idea. In: *About Russia and Russian philosophical culture*. Moscow: Nauka. pp. 5–42 (In Russ.).
22. Krasina, E.A. & Chesnokova, O.S. (2019). “Story” by H.L. Borges: the experience of intertextual reading. *Tomsk State University Journal of Philology*, 57, 206–223. <https://doi.org/10.17223/19986645/57/13> (In Russ.).
23. Abashev, V.V. & Abasheva, M.P. (2012). Literature and geography. *Perm University Herald. History*, 2, 143–151. (In Russ.).
24. Gilford, J. (1965). Three sides of the intellect of tasks. In: *Psychology of thinking*. Moscow: Progress. pp. 433–457. (In Russ.).
25. Lotman, Yu.M. (2002). Symbolism of St. Petersburg and problems of the semiotics of the city. In: *History and typology of Russian culture*. Saint Petersburg: Iskusstvo—SPB. pp. 208–220. (In Russ.).
26. Yaroshevsky, M.G. (1976). *History of psychology*. Moscow: Mysl'. (In Russ.).
27. Gadamer, H.-G. (1988). Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics. Moscow: Progress. (In Russ.).
28. Aleksandrova-Osokina, O.N. (2020). Issues of Geopoetics in Modern Literary Studies. *Scientific Dialogue*, 5, 216–241. (In Russ.).
29. Lotman, Yu.M. (2000). *Semiosphere*. Saint Petersburg: Iskusstvo—Saint Petersburg. (In Russ.).
30. Toporov, V.N. (2003). *Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works*. Saint Petersburg: Art-Saint Petersburg. (In Russ.).
31. Urbanc, M. & Printsman, A. (2004). Comprehension of Rapidly Transforming Landscapes of Central and Eastern Europe in the 20th Century. *Acta Geographica Slovenica*, 44(2), 101–131.
32. Kryukova, E.V. (2020). On the issue of the receptive side of the palimpsest. *RSUH/RGGU Bulletin “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, 9, 179–187. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2020-9-179-187> (In Russ.).
33. Isaev, S.G. & Vladimirova, N.G. (2017). *Actual poetics: Change of artistic paradigm*. Veliky Novgorod: NovGU im. Yaroslav the Wise. (In Russ.).
34. Zakharov, V.P. & Masevich, A.Ts. (2016). Methods of corpus linguistics in historical and cultural studies. In: *Collection of scientific articles of the XIX Joint Conference “Internet and Modern Society”*. Saint Petersburg: ITMO University Publ. pp. 24–43. (In Russ.).
35. Paliychuk, D.A. (2022). Corpus technologies in linguistic research. *Humanitarian Studies. History and Philology*, 6, 72–79. (In Russ.).
36. Vendler, Z.O. (1981). About the word good. In: *New in foreign linguistics*. Iss. 11. Moscow: Progress. pp. 530–554. (In Russ.).
37. Chertov, L.F. (2020). About semiotization and resemiotization of city space. *Man: Image and Essence. Humanitarian aspects*, 1(41), 78–90. <https://doi.org/10.31249/chel/2020.01.05> (In Russ.).
38. Shakhovskiy, V.I. (1986). Meaning and emotive valence of units of language and speech. *Problems of linguistics*, 2, 97–103. (In Russ.).
39. Epstein, M.N. (1991). Ideology and language (building a model and comprehending discourse). *Voprosy Jazykoznanija*, 6, 18–28. (In Russ.).
40. Markelova, T.V. (2019). Sign-pragmeme as a semiotic dominant of the axiological field. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(3), 581–592. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-3-581-592> (In Russ.).
41. Morris, Ch. (1956). *Varieties of human value*. Chicago; University of Chicago Press.

Сведения об авторах:

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии Института русского языка Российского университета дружбы народов; *сфера научных интересов*: лингвистическая поэтика, семиотическое и семантическое моделирование, язык как семиосфера, когнитивистика; *e-mail*: novikova-ml@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-4673-067X; SPIN-код: 1502–9636

Маркелова Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, первый проректор – проректор по учебной работе АНО ВО «Институт современного искусства»; *сфера научных интересов*: аксиологическая лингвистика, прагмакоммуникация, синтаксическая семантика, лингвокультурология; *e-mail*: tvmarkelova@mail.ru ORCID: 0000-0003-4400-6175; SPIN-код: 4862–5769

Information about the authors:

Marina L. Novikova, D.Sc. (Philology), Professor, Russian Language Department, Institute of Law, RUDN University; *Research interests*: Linguistic Poetics, Fictional Text studies, Semiotic and Semantic Modeling, Language as a Semiosphere, Cognitive studies; *e-mail*: novikova-ml@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-4673-067X; SPIN-code 1502–9636

Tatyana V. Markelova, D.Sc. (Philology), Professor, First Vice-Rector — Vice-Rector for Academic Affairs, Autonomous non-commercial Art University «Institute of Modern Arts»; *Research interests*: Axiological Linguistics, Pragmatic communication, Syntactic Semantics, Cultural studies; *e-mail*: tvmarkelova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4400-6175; SPIN-code 4862–5769